

DOI 10.32726/2411-3417-2025-2-7-16

УДК 94

Михаил Мухин

«Все для фронта, все для победы!» Мобилизация общества и экономики СССР в 1941 г.

Аннотация. В первые десятилетия XXI в. мир вновь, как и в 1930-е годы, вступил в период политической турбулентности. Это дает основания найти в прошлом решения и приемы, которые — в каких-то аспектах — могут оказаться востребованными и на современном этапе. Под таким углом зрения в статье рассматривается опыт социально-экономической мобилизации в первые месяцы Великой Отечественной войны. В столкновении с гитлеровской Германией, распространявшей свой экономический контроль практически на всю Европу, Советский Союз мог выстоять, только до предела напрягая все силы и полностью перенацелив на военные нужды свою промышленность. Летом-осенью 1941 г. и социальная, и политическая, и экономическая сферы СССР прошли через этап комплексной мобилизации. Основная задача данного исследования — выявление ключевых векторов этого процесса.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР в 1941 г., мобилизация экономики, социально-экономическая мобилизация, комплексная мобилизация, перевод промышленности на военные нужды.

Вторжение гитлеровской Германии и ее союзников в СССР поставило вопрос о мобилизации вооруженных сил Советского Союза. Уже 22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ, согласно которому с 23 июня начиналась мобилизация призывников и добровольцев в армию и на флот. Призыву подлежали военно-обязанные граждане четырнадцати возрастов — с 1905 по 1918 годы рождения. Уже к 1 июля 1941 г. в РККА и РККФ было мобилизовано 5,3 млн человек [Военная энциклопедия. С. 183].

Надо отметить, что мобилизационные меры распространялись и на лиц, находящихся в исправительно-трудовых учреждениях. 12 июля был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений», согласно которому заключенные ГУЛАГа, осужденные на срок до 5 лет за малозначительные преступления, получали право просить об отправке на фронт. Кроме того, призыв в армию распространялся на спецпоселенцев, уже отбывших наказание и годных к строевой службе. Только за 1941 г. во исполнение этого

Сведения об авторе: МУХИН Михаил Юрьевич – главный научный сотрудник Института российской истории РАН, ведущий научный сотрудник РГГУ, доктор исторических наук, mukhin@mail.ru.

указа было освобождено из системы ГУЛАГ и отправлено на фронт 420 тыс. чел., что составляло примерно четверть от общего числа заключенных [Шатилов. С. 37].

Особым феноменом тех лет стало массовое движение добровольцев. Уже в первые дни войны началось формирование различных добровольческих формирований: коммунистических батальонов, групп самообороны, отрядов советского актива и т.п. В первые недели войны для советского общества была характерна своеобразная «десантобоязнь» — считалось, что гитлеровцы в большом количестве высаживают диверсионные десанты в тылу советских войск. Для борьбы с этими потенциально-возможными десантами началось массовое формирование «истребительных батальонов» — добровольческих формирований из местных активистов, вооруженных устаревшим стрелковым оружием. С июля по сентябрь 1941 г. было создано 1339 таких батальонов общей численностью более 300 тыс. человек [Шатилов. С. 40].

Приток добровольцев на призывные пункты РККА был столь велик, что 4 июля 1941 г. ГКО издал постановление о начале формирования дивизий народного ополчения, комплектовать которые следовало преимущественно добровольцами. Всего летом и осенью 1941 г. было создано около 60 дивизий и 200 отдельных полков народного ополчения. В частности, только в Киеве и Киевской области в народное ополчение вступило 89 тыс. человек [Биленко. С. 141].

В ходе мобилизации выяснилось, что значительная часть новобранцев не имеет ни малейшего представления о военной службе и нуждается в обучении воинским специальностям. Поэтому 17 сентября 1941 г. ГКО принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», положившее начало формированию всесоюзной системы Всевобуча [Бодрова. С. 100]. С 1 октября 1941 г. все мужчины СССР в возрасте от 16 до 50 лет в обязательном порядке должны были без отрыва от производства проходить начальное военное обучение, в ходе которого изучались азы стрелковой и тактической подготовки. Это позволило существенно улучшить качество пополнений, поступавших в РККА с зимы 1941–1942 г. Всего за годы войны через систему Всевобуча прошло 9,9 млн человек.

Мобилизация призывников и добровольцев позволила резко нарастить численность РККА. Но мобилизация советских граждан в армию представляла собой лишь один из аспектов мобилизации страны в целом. Начало Великой Отечественной войны поставило на повестку дня перевод, по сути, всей советской экономики на военные рельсы. В столкновении с гитлеровской Германией, распространявшей свой экономический контроль практически на всю Европу, Советский Союз мог выстоять, только до предела напрягая и полностью перенацелив на военные нужды свою промышленность.

Перевод экономики на военные рельсы является крайне сложным многоплановым процессом и достоин специального рассмотрения.

Начиная со второй половины 1930-х годов внимание руководства СССР к проблематике, связанной с оборонной промышленностью, резко возросло. Уже с 1937 г. вместо

Совета Труда и Обороны, показавшего свою неэффективность в деле координации работ в сфере «оборонки», были созданы Комитет обороны и Экономсовет. В 1938 г. эти два учреждения были дополнены Военно-промышленной комиссией, переименованной в 1940 г. в Совет оборонной промышленности [Соколов. С. 390.]. Именно эти три институции и должны были координировать между собой различные отрасли оборонной и гражданской промышленности, готовить экономику страны в целом к войне и обеспечивать выработку и проведение в жизнь единой военно-экономической политики. В 1939 г. наркомат оборонной промышленности (НКОП), объединявший до того в своем составе практически все оборонные предприятия, был разукрупнен: из его состава выделились наркоматы авиапромышленности (НКАП), вооружений (НКВ), боеприпасов (НКБ) и судостроительной промышленности (НКСП) [Мухин. Реформы... С. 146]. О соотношении новосозданных наркоматов между собой позволяет судить табл. 1.

Таблица 1

Численность заводов, персонала и валового производства наркоматов «оборонки» в 1939 г.

Наркомат	Число заводов	Число НИИ и КБ	Численность персонала, тыс. чел.	Валовое производство (млн руб. в текущих ценах)
НКАП	86	9	273	4882,7
НКБ	53	12	337	3719,3
НКВ	38	8	223	4432,3
НКСП	41	10	173	2866,0

[Составлено по: Соколов. С. 391–392; Мухин. Авиапромышленность... С. 68.]

Однако не все оборонные предприятия в предвоенные годы были сосредоточены только в этих четырех наркоматах. Во-первых, существовал ряд сугубо военных производств, находящихся вне вышеуказанной четверки. Скажем, производство танков было сосредоточено в рамках Главспецмаша, организационно входившего в состав наркомата среднего машиностроения (НКСМ) [Великая Отечественная... С. 396]. Во-вторых, вооруженные силы, помимо поставок сугубо боевой техники, нуждались в поступлении значительного количества продукции двойного назначения. Скажем, без грузовиков и тракторов моторизация армии была немыслима. Чтобы оценить вклад «гражданских» отраслей в военное производство, достаточно рассмотреть оборонный заказ наркомата обороны (НКО) на 1940 г. (табл. 2).

Таким образом, вне четырех наркоматов официальной «оборонки» выполнялось более четверти всего оборонного заказа РККА.

Наконец, следует учитывать, что производство оборонной продукции так или иначе, в качестве сырья, полуфабрикатов и комплектующих, опиралось на гражданские отрасли индустрии и сельского хозяйства. Скажем, выпуск танков и боевых кораблей по очевидным причинам лимитировался объемом выплавки качественной стали. Производство пороха было немыслимо без облагороженной целлюлозы, поступавшей

с целлюлозно-бумажных комбинатов; а выпуск тротила критически зависел от поставок толуола с металлургических и нефтеперерабатывающих заводов [Балыш. С. 24, 79]. Этот список можно продолжать, но и без того не вызывает сомнения, что для успешной работы «оборонки» требовалась слаженная и эффективная работа всей советской экономики. В этом плане особую важность приобретал вопрос о мобилизационном планировании и, в частности, о заблаговременной подготовке советской экономики к переходу на военные рельсы.

Таблица 2

Заказ НКО на 1940 г. (млн руб. в текущих ценах)

Наркомат	Сумма	Удельный вес в заказе НКО (%)
НКБ	10003	32,5
НКАП	7285	23,5
НКВ	5031	16,2
Наркомат среднего машиностроения	2373	7,6
Наркомат тяжелого машиностроения	1167	3,7
Наркомат химической промышленности	850	2,7
Наркомат общего машиностроения	719	2,3
НКСП (без учета заказа НК ВМФ)	491	1,5

[Составлено по: Соколов. С. 394]

Строго говоря, соответствующая работа началась в СССР еще в 1927 г. [Мухин. О создании... С. 64–71], но ее результаты к началу Великой Отечественной войны трудно назвать успешными. В 1938 г. Комитет обороны ввел в действие мобилизационный план МП-1, согласно которому мобилизовались (то есть переводились на трехсменную работу, получали право на первоочередное снабжение и закрепление за ними рабочей силы) заводы по производству пороха, тротила, взрывателей, капсюлей, корпусов снарядов, а также артиллерийские, пулеметные и пиротехнические заводы. Реорганизация, связанная с ликвидацией НКОП и созданием новых четырех наркоматов, несколько задержала осуществление этих мер, но к лету 1941 г. на мобилизационное положение (по крайней мере, официально) были переведены не только вышеперечисленные, но вообще все заводы оборонных наркоматов, а также ряд предприятий наркоматов гражданских [Соколов. С. 491].

29 июля 1939 г. было принято решение о вводе в действие мобилизационного плана МП-8, распространявшегося на гражданские отрасли экономики, однако его осуществление столкнулось с целым комплексом проблем. Во-первых, полномасштабное воплощение в жизнь всех положений МП-8 грозило поглотить львиную долю госбюджета. Единовременные затраты на создание в составе гражданских заводов и фабрик «спеццехов» и «спецучастков», предназначенных для производства оборонной продукции в военное время, требовали запредельного напряжения финансов СССР. Помимо этого, вставал вопрос о материальных ресурсах. Как уже говорилось выше, мобилизация оборонных предприятий подразумевала первоочередное снабжение их топливом, сырьем и полуфабрикатами. Но это означало, что все остальные советские

заводы будут получать снабжение во вторую очередь, после того, как будут выполнены заказы «оборонки». Введение в действие МП-8 требовало, чтобы теперь и гражданские предприятия, попавшие в число мобилизованных, начали снабжаться в первую очередь. Таким образом, все больше заводов и фабрик переходили в разряд «первоочередных», и было непонятно, за счет каких, собственно, отраслей и индустриальных объектов будет проводиться это перераспределение материальных ресурсов. Во-вторых, выяснилось, что, хотя формально работа по подготовке мобилизации гражданской промышленности началась практически еще в конце 1920-х годов, на практике осуществление и МП-1, и МП-8 было очень слабо обеспечено в организационно-методическом плане. В 1940 г. специалисты Главного артиллерийского управления (ГАУ) РККА констатировали: «Была в Комитете обороны толстая книга, где было записано, какой завод сколько и какие элементы боеприпасов или вооружения делает. Из этой книги были посланы выписки наркоматам, а последние послали заводам. На этом вся мобилизационная подготовка страны и заканчивалась. При попытке ввести мобилизационный план выяснилось, что заводы, ранее не изготавливавшие элементов боеприпасов, не имеют представления о том, как они будут их изготавливать, не имеют оборудования, не знают технологии, не имеют проектов перестройки производства на выпуск элементов боеприпасов, не имели представления, какое им сырье и материалы нужны и кто их будет поставлять... оказалось, что в большой книге Комитета обороны ничего об этом не сказано, а без этого такой документ назвать мобилизационным планом страны нельзя» [Цит. по Соколов. С. 495].

В ряде случаев мобилизационное планирование упиралось в ведомственные барьеры. Скажем, официально Госплан был обязан планировать деятельность оборонной промышленности и перевод в случае войны всей экономики СССР на военные рельсы. Но фактически ни Госплан, ни существовавший при нем Мобилизационный отдел не имели права получать ни необходимые для такого планирования данные о производственных планах и мощностях предприятий «оборонки», ни сведения о размерах потребностей военного ведомства в той или иной оборонной продукции. Этот вопрос вызвал оживленную переписку весной 1941 г., но разрешен так и не был [Балыш. С. 85]. Можно сказать, что к началу Великой Отечественной войны работа по составлению единого мобилизационного плана все еще не была завершена — ее пришлось заканчивать уже в ходе идущих боевых действий.

Сделанная выше оговорка, что к лету 1941 г. все оборонные предприятия были переведены на мобилизационное положение «по крайней мере, официально», не случайна. Судя по всему, рапорты об успешной мобилизации «оборонки» носили в значительной степени очковтирательский характер. Во всяком случае, танковые заводы начали переводиться на трехсменную работу только в первые дни Великой Отечественной войны и завершили этот процесс к концу июня [Ермолов. С. 85]. Программа интенсификации авиавыпуска¹ была в авральном порядке разработана руководством

1 Само наличие такой программы позволяет сомневаться в предельной степени мобилизации авиаиндустрии к началу войны.

НКАП к вечеру 22 июня, [Мухин. Советская авиапромышленность... С. 60]. 10 июня же НКСП лишь оповестил подведомственные ему предприятия о возможном переходе на мобилизационное положение с 1 июля 1941 г.

Причем попытка ввести эти планы в действие уже после начала войны выявила их оторванность от жизни. Вопросы судостроительных заводов к наркомату — а как, собственно, выполнять заложенные в плане требования — неизменно натывались на стандартный ответ: «Ждите указаний» [История отечественного судостроения. С. 444]. Очевидно, что далеко не вся оборонная промышленность к лету 1941 г. уже была отобилизована. В то же время можно говорить о системном кризисе управления, охватившем руководство СССР в конце июня 1941 г.

Начало Великой Отечественной войны стало очень тяжелым ударом не только для всего советского общества, но и для аппарата управления страной. Судя по всему, на некоторое время руководство СССР в целом и И.В. Сталин в частности до определенной степени вообще утратили адекватное понимание ситуации. Один из государственных деятелей СССР, встречавшийся со Сталиным 26 июня 1941 г., впоследствии вспоминал: «Сталин выглядел необычно. Вид не просто усталый. Вид человека, перенесшего сильное внутреннее потрясение. До встречи с ним я по всяким косвенным фактам чувствовал, что там, в приграничных сражениях, нам очень тяжело. Возможно, назревает разгром. Увидев Сталина, я понял, что худшее уже случилось»¹ [В предвоенные...].

Подобный кризис был характерен не только для центрального аппарата управления, но и для местных властей. Скажем, в документах ряда областных и краевых комитетов партии некоторое время вообще не употреблялось слово «война», а местное партийное руководство пыталось продолжать вести дела «прежним порядком». В результате 29 июня СНК и ЦК ВКП(б) были вынуждены издать совместное постановление, в котором заявлялось: «...несмотря на создавшуюся серьезную угрозу для нашей страны, некоторые партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители все еще не понимают смысла этой угрозы, еще не осознали значения этой угрозы, живут благодушно-мирными настроениями и не понимают, что война резко изменила положение, что наша Родина оказалась в величайшей опасности и что мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад» [Цит. по: Парамонов. С. 177]. В этом же постановлении утверждалось: «Задача большевиков — сплотить весь народ вокруг партии Ленина–Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы». Спустя некоторое время этот лозунг приобрел знакомый всем вид «Все для фронта, все для победы!», ставший девизом всей советской экономики на период военного лихолетья. Однако его еще требовалось наполнить реальным содержанием.

¹ И.В. Ковалев в начале войны занимал пост заместителя наркома госконтроля СССР по железнодорожному транспорту.

Перелома удалось добиться только 30 июня, когда политическая элита Советского Союза консолидировалась для организации отпора врагу. Символом этой консолидации и одновременно административным органом, который должен был на практике возглавить СССР на период войны, стал Государственный комитет обороны (ГКО). Будучи формально внеконституционным органом, ГКО в годы войны стал основным центром координации усилий всех государственных органов, управляющих экономикой, военным производством и обороной, оставив за Совнаркомом лишь отрасли, не имевшие критического значения для обороны.

Несмотря на жесткий тон постановления от 29 июня, психологически мобилизация управленческого аппарата СССР произошла отнюдь не моментально и местами затянулась на достаточно длительный срок. Например, уже осенью 1941 г. нарком авиационной промышленности, прибыв в Уфу, столкнулся с неожиданными затруднениями:

«Приехал в обком и вдруг застал там необычную тишину и безлюдье. Времени только шесть вечера, а в обкоме почти никого. Зашел в приемную, спрашиваю:

- Можно ли переговорить с первым секретарем?
- Нет, хозяина не будет до восьми часов, он с пяти до восьми обедает.

Я был поражен. В бытность первым секретарем обкома в мирное время я никогда не уходил днем домой, хотя квартира была неподалеку, а обедал в обкомовской столовой и снова возвращался на работу. А тут во время войны — три часа на обед и на дневной сон?! Поверить в это не мог. Тем более после того, как только что видел напряженнейшую работу Куйбышевского обкома партии. Покоробило меня и выражение «хозяина не будет». Ну, думаю, и нравы!

Не застав на месте первого секретаря, спрашиваю:

- А где секретарь по промышленности?
- Все будет в восемь вечера» [Шахурин. С. 133].

Причем такая ситуация не являлась чем-то исключительным. В качестве иллюстрации можно привести тот факт, что из 39 поручений СНК СССР отделу военного машиностроения Госплана, отданных с 22 июня по 10 августа 1941 г., своевременно было выполнено лишь одно [Парамонов. С. 184]. Очевидно, что переход управленческого аппарата на военные рельсы сам по себе представлял отдельную проблему и требовал пристального и постоянного внимания со стороны руководства СССР.

Следует признать, что задержки с перестройкой управленческого аппарата на работу в режиме военного времени сказались и на эвакуации промышленных предприятий в восточные регионы страны. Лишь 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации в составе Л.М. Кагановича (председатель), А.Н. Косыгина (заместитель председателя), Н.М. Шверника (заместитель председателя), Б.М. Шапошникова,

С.Н. Круглова, П.С. Попкова, Н.Ф. Дубровина и А.И. Кирпичникова. Спустя некоторое время в этот Совет дополнительно были включены А.И. Микоян (первым заместителем председателя), Л.П. Берия и М.Г. Первухин (заместитель председателя) [Подробнее о формировании Совета по эвакуации см.: Куманев]. Однако создание Совета по эвакуации еще не означало начало собственно эвакуационных мероприятий. Только 2 июля 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) издали совместное постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», регламентирующий организацию эвакуации. Видимо, такое затягивание с началом эвакуационных действий было связано с определенной нераспорядительностью Л.М. Кагановича. Во всяком случае, А.И. Микоян впоследствии вспоминал: «Тогда считалось, что Наркомат путей сообщения должен играть главную роль в вопросах эвакуации. Объем же эвакуации из-за ухудшения военной обстановки расширялся. Все подряд эвакуировать было невозможно. Не хватало ни времени, ни транспорта. Уже к началу июля 1941 г. стало ясно, что Каганович не может обеспечить четкую и оперативную работу Совета по эвакуации» [Микоян. С. 103–104]. 3 июля председателем Совета по эвакуации был назначен Н.М. Шверник [Эшелоны... С. 10], и в тот же день эвакуация, наконец, перешла в практическую фазу — ГКО приказал переместить 26 заводов НКВ [История Великой Отечественной... С. 141, 143]. 5 июля НКАП получил поручение начать эвакуацию авиационных производств из угрожаемых районов [Самолетостроение... С. 212], а 9 июля первый авиазавод начал передислокацию [Мухин. Советская авиапромышленность... С. 64]. Что же касается массовой эвакуации оборонных заводов и фабрик, то она стартовала и вовсе только 10 октября [Там же. С. 66].

Таким образом, непосредственно эвакуационные мероприятия начались лишь на 12-й–15-й день с начала военных действий, а массовый характер приобрели на третий месяц войны. Нельзя не признать, что эта задержка сыграла впоследствии заметную негативную роль. С другой стороны, следует подчеркнуть, что даже в этих условиях советские управленцы к концу 1941 г. смогли обеспечить эвакуацию в восточные регионы СССР около 1500 крупных предприятий, из них 1350 — оборонного значения.

Несмотря на вышеописанные проблемы, процесс экономической мобилизации начался и набирал обороты с каждым днем. Уже 4 июля 1941 г. ГКО утвердил мобилизационный план на III квартал 1941 г., согласно которому выпуск оборонной продукции должен был (по сравнению с соответствующим периодом 1940 г.) возрасти более чем на четверть [Вознесенский. С. 38]. Этот рост предполагалось обеспечить как передачей в распоряжение «оборонки» ряда предприятий из гражданских наркоматов, так и перенацеливанием гражданских отраслей индустрии на форсированное обеспечение потребностей военной промышленности. Так, из 22 тыс. металлорежущих станков, которые предполагалось выпустить в этом квартале, 14 тыс. были зарезервированы за наркоматами оборонной промышленности [Кравченко. С. 107]. Н.А. Вознесенский отзывался об этом плане так: «Мобилизационный план III квартала 1941 г. повернул народное хозяйство на службу Великой Отечественной войне. Однако опыт показал, что этот поворот оказался недостаточным» [Вознесенский. С. 38]. Хорошо понимая, что исход войны явно не будет решен за эти три месяца, советское руководство тогда же,

4 июля 1941 г., санкционировало начало разработки экономического плана на IV квартал 1941 г. и 1942 г. Этот план был подготовлен к 16 августа 1941 г. [Кравченко. С. 107]. Таким образом, уже в июле — первой половине августа 1941 г. были сформированы общие контуры мобилизации экономики СССР и планы ее перевода на военные рельсы.

Подводя итог, следует признать, что летом-осенью 1941 г. и социальная, и политическая, и экономическая сферы СССР прошли через этап комплексной мобилизации. Этот процесс не обошелся без сложностей и сбоев, однако в результате лозунг «Все для фронта, все для победы!» действительно стал главной и руководящей идеей Советского Союза, на практике определявшей все аспекты государственной политики СССР в те годы.

*Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многолетнего академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется впервые в целях апробации.

Литература

- Балыш А.Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 30–40-е гг. XX в.: промышленность боеприпасов. М. 2009.
- Биленко С.В. На охране тыла страны. М. 1988.
- Бодрова Е.В. Реорганизация системы массового военного обучения населения в годы Великой Отечественной войны // Мы Победу приближали как могли: материалы Междунар. науч. конф., посвященной Великой Отечественной войне. Смоленск. 2003.
- В предвоенные и военные годы. Ответы наркома путей и сообщения СССР генерал-лейтенанта И.В. Ковалёва на вопросы проф. Г.А. Куманёва (окончание) // Новая и новейшая история. 2005. № 3.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М. 2013.
- Военная энциклопедия. М. 2001. Т. 5.
- Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. 1948.
- Ермолов А.Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. М. 2012.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. М. 1963.
- История отечественного судостроения. СПб. 1996.
- Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) М. 1970.
- Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1945 гг. // Новая и Новейшая история. № 6. 2006. С. 7–27.
- Микоян А.И. В первые месяцы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1985. № 6. С. 93–104.
- Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М. 2006.
- Мухин М.Ю. О создании системы органов мобилизационной подготовки промышленности в Советской России и СССР в 1921–1927 г. // Оборона России. 2017. № 6. С. 64–71.

Мухин М.Ю. Реформы управления военной промышленностью СССР и темпы роста производства в 1936–1941 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 141–159.

Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М. 2011.

Парамонов В. Россия в 1941–1945 гг.: проблемы индустриального развития. Самара. 1999.

Самолетостроение в СССР. 1917–1945. Кн. 2. М. 1994.

Соколов А.К. От Военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 гг. М. 2012.

Шатилов С.П. Государственно-правовая политика по мобилизации населения в ряды Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1(50). С. 36–43.

Шахурин А.И. Крылья победы. М. 1985.

Эшелоны идут на Восток. М. 1966.